

МАЙАМИ

Юрий Алексеев

Майами

<https://litres.ru/74609182>

SelfPub; 2026

Аннотация

В ослепительном Майами каждая ложь отбрасывает особенно резкую тень. Двадцать шесть лет назад Оливия Даттон спасла собственную семью, продав чужую. Она похоронила прошлое и построила безупречную жизнь: двое сыновей, популярный подкаст и дом под пальмами. Но однажды в ресторане раздаются выстрелы, на пороге лежит кровавый свёрток, а мальчики бесследно исчезают. Неизвестная женщина предлагает Оливии сделку, от которой невозможно отказаться, и заставляет её вернуться к преступлению 1998 года. Параллельно роман переносит читателя в Майами 1980-х: к кубинским беженцам, власти жестокой Крестной матери и девочке, которой пришлось взрослеть среди предательства и крови. Две временные линии неумолимо сходятся на ночном мосту. «Майами» — динамичный психологический триллер о наследуемой вине, материнстве, страхе и мести. Тропический нуар, моральная неоднозначность и финальный выбор, после которого невиновных уже не остаётся.

Содержание

Пролог - Майами Июнь 2024 года	4
Глава 1 - Днем ранее	9
Глава 2	15
Глава 3 - Мариэль 21 апреля 1980 года	24
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Майами

Пролог - Майами Июнь 2024 года

— Ну же, езжай!

Женщина снова нетерпеливо нажала на клаксон. Машины трогались мучительно медленно, а ей хотелось как можно скорее убраться с Коллинз-авеню. На миг ее ослепило полуденное солнце, отразившееся от «Кибертрака»; затем она до отказа вдавила педаль газа. По знаменитой улице, обсаженной отелями, ресторанами и клубами веселых леденцовых расцветок, она проезжала тысячу раз. Но сегодня замечала лишь темную изнанку города: мусор на тротуарах, заколоченные гостиницы, машины, брошенные где попало, и бездомных, спящих под пальмами у «Уолгринса».

Прямо перед ней светофор переключился на красный, но она все равно рванула вперед. Едва не задев автобус, проскочила у него перед носом; автобус возмущенно взревел клаксоном. Она лишь пожала плечами, свернула на Пятую улицу и стала молиться, чтобы на мосту Макатур-Козуэй не было пробки. Кондиционер дул ей в лицо ледяным воздухом, однако она опустила стекло. Ее разгоряченному телу требовалось больше кислорода.

С визгом шин она вылетела на мост и вынуждена была выправить машину. С воды в окно хлестнул порыв ветра. Длин-

ные светлые волосы заметались перед лицом, прохладными прядями коснулись шеи. Наконец жар немного отступил.

Она не хотела так нервничать — в сущности, ничего ведь не случилось. И все же ее мучило, и безошибочный внутренний голос твердил, что дело неладно. Многолетний опыт не выключишь поворотом незримого ключика.

Она снова проверила телефон. Новых сообщений не было. Ударила ладонью по рулю.

— Черт!

Поток наконец пошел быстрее, и она тотчас прибавила газу. На середине моста пришлось опять тормозить: впереди, мучительно медленно карабкаясь на подъем, громыхал пикап с рабочими в кузове. Несколько раз вильнув из ряда в ряд, она обогнала грузовичок справа и свернула к Брикеллу.

Тридцать лет назад, когда она впервые ехала по Майами, город показался ей картинговой трассой, по которой носятся увеличенные во много раз машинки из парка аттракционов. Со всех сторон проносились грузовики мачо; задний ход на автострате считался самым обычным маневром; указать поворот было роскошью, а после столкновения водители, чаще всего не имевшие страховки, попросту уезжали.

Теперь она лучше понимала неписанные правила и без труда предугадывала прихоти хаотического американского вождения. Промчалась мимо Башни Свободы, поехала вдоль Бэйфронт-парка. Вдруг в зеркале заднего вида возник черный внедорожник «Шевроле» и повис у нее на хвосте. Солн-

це бликовало на стекле, и она не могла различить, сколько человек сидит внутри. Она слегка притормозила, но внедорожник не пошел на обгон.

— Проклятье, — сказала она вслух. — Я так и знала.

Быстро оглядела боковые зеркала. Сразу стало ясно: на этой дороге она слишком уязвима. Отступить некуда, прижать ее к обочине проще простого. Тогда она резко ударила по тормозам, метнулась в левый ряд и пристроилась вплотную за фургоном DHL. Не обращая внимания на ее дикий маневр, «Шевроле» спокойно проехал мимо.

Женщина выдохнула. Нельзя доводить себя до безумия, мысленно приказала она себе. Вот сейчас она приедет домой, всему найдется разумное объяснение, и она, как всегда по средам в этот час, спокойно сядет обедать. Но как ни хотелось ей поверить в эту картину, учащенный пульс выдавал правду.

Через десять минут по удивительно пустой трассе 95 она въехала в Корал-Гейблс — район, где уже много лет жила с удовольствием. Модные бутики, местные ресторанчики и, что особенно важно, хорошие школы. Все здесь отдавало Диснейлендом: чуть слишком уютно, чуть слишком беззаботно. Но после всего пережитого никакая наивность окрестностей не могла показаться ей чрезмерной.

Сегодня ей хотелось, чтобы и ее дом стоял за шлагбаумом, в закрытом поселке. Чтобы строгий охранник у въезда проверял всех въезжающих и выезжающих, а камеры повсюду

немедленно замечали подозрительные машины и сомнительных людей. Сейчас она въезжала в свой квартал совершенно слепой и не знала, к чему готовиться.

У банка «Уэллс-Фарго» она свернула направо и сразу почувствовала, как отпустило плечи. Ее улица, Севилья-авеню, была безлюдна. Только новая соседка напротив неспешно выгуливала по тротуару крохотную мальтийскую болонку. Ни внедорожников с затемненными стеклами, ни мужчин, следящих за домом, ни пылающих крестов на газоне. Она улыбнулась соседке, свернула на подъездную дорожку и остановилась перед гаражом.

Еще секунду поколебавшись, все-таки открыла бардачок и достала «Глок». Если жизнь и научила ее чему-нибудь, так это тому, что нельзя позволять застать себя врасплох. Тишина и покой порой как раз и означали опасность.

Она быстро оглянулась, еще раз проверила улицу и только потом вышла из машины. Держа руку на пистолете в кармане, осторожно двинулась к фасаду. Все мышцы собрались в тугую боевую узел; она слышала собственное тяжелое дыхание.

Укрывшись за широкой пальмой на углу дома, она оглядела двор. Газон пора стричь, мелькнула мысль, но в остальном все выглядело спокойно. Цветы не примяты, в земле вокруг бугенвиллеи нет следов, веточки не сломаны. Совершенно ясно: здесь никто не проходил.

Она медленно выдохнула и завернула за угол. И только

взглянув на входную дверь, увидела это.

На крыльце лежала грудa мяса. Исковерканные куски в широкой луже крови. Над ними уже клубился рой мух.

Она закричала и рухнула на колени.

— Позвоните 911! Пожалуйста, пусть кто-нибудь позвонит 911!

Глава 1 - Днем ранее

— Ах, милый, иди сюда. Полежи еще немножко. — Оливия обхватила мужа за голые плечи. — У нас целых пять минут.

Мэтт с улыбкой повернулся к ней.

— О, ровно триста секунд. Значит, времени навалом.

— Мне хватит.

Он приподнял правую бровь — тем самым знакомым движением, которым почти двадцать лет назад соблазнил ее на парусном празднике в Амстердаме.

— У меня идея получше.

Муж встал, стянул потертые боксеры и поманил ее пальцем.

— Следуй за мной.

Хихикая, Оливия тоже выбралась из постели, стащила через голову ночную рубашку и нагишом пошла за Мэттом в ванную.

— Мам! — вдруг донеслось из коридора. — Где мои бейсбольные носки?

— На полке в прачечной, Чарли! — крикнула Оливия, поспешно юркнула в ванную и закрыла за собой дверь.

Мэтт шагнул под душ, открыл воду и поднял флакон с пеной.

— Come on, my sweet little Dutchie.

Оливия встала рядом. Мэтт задвинул за нею стеклянную дверцу, прижал ее к стене и поднял ей руки.

— Позволь-ка мне.

Она закрыла глаза и подставила тело теплым струям. Его ладони ласкали ее шею, скользнули по бокам вниз и легли на бедра. Она наклонилась вперед; губы вслепую нашли его грудь. Вокруг кружились хлопья пены. Он застонал, и она почувствовала, как напряглись его крепкие мышцы. Ему только что исполнилось пятьдесят три, но благодаря постоянным плаваниям под парусом он оставался таким же сильным, как на их первом свидании.

Одним быстрым движением он поднял ее, и она обвила ногами его талию.

— Я люблю тебя, — прошептала она. — До невозможно-сти.

— My dear Dutchie, — хрипло сказал он. — И я тебя люблю.

— А я сильнее.

Он тихо рассмеялся и поцеловал ее грудь.

— Вот это нам сейчас пригодится...

— Папа! Я не могу... — Дверь ванной распахнулась, и тотчас раздался оглушительный вопль: — Фу! Что вы делаете?

— Уилл... Get out! — крикнул Мэтт, торопливо перекрывая воду.

Очарование минуты лопнуло, словно мыльный пузырь.

— Мы сейчас спустимся, — крикнула Оливия младшему сыну. — Иди пока вниз.

Стекло запотело от пара, но Оливия еще успела заметить, как Уильям, притворно давась от отвращения, выскочил в коридор.

— So gross, — донеслось оттуда.

Смеясь, она вышла из душа и завернулась в полотенце.

— Ну вот, подарили ребенку травму на всю жизнь.

— Должно же ему быть о чем рассказать будущему психотерапевту. — Мэтт встал рядом с ней перед зеркалом. — При такой красивой матери других проблем у них не будет.

Она поцеловала его в щеку.

— Лстец. Тебе это сходит с рук только потому, что ты настоящий морской волк.

— Я знаю. — Мэтт взял зубную щетку и ушел в гардеробную. — Закончим, когда я вернусь, — пробормотал он, уже чистя зубы. — Когда эти два чудовища наконец уснут.

— Не могу дождаться, — сказала она, стараясь прозвучать убедительно.

Оливия знала, что муж сейчас надевает рабочую форму: светло-голубые бермуды, ярко-лиловую рубашку поло и полосатую бейсболку. Он сам придумал этот приметный наряд, чтобы в марине всякий сразу узнавал его фирму и команду. Затея удалась: теперь его флот насчитывал девять роскошных яхт, а сегодня он должен был забрать десятую.

Она восхищалась успехом, который он сотворил соб-

ственными руками. Бедный сухопутный мальчишка из Монтаны за короткое время сумел занять свое место в коррумпированном порту Майами. Всего лишь работал до изнеможения, был точен, приветлив и внимателен к любой мелочи. Она любила и его неизменные привычки. Они давали ей опору, ощущение безопасности. Когда она встретила Мэтта, это было ей отчаянно необходимо. Уже тогда он видел в ней женщину, какой ей самой хотелось стать.

Оливия повесила полотенце и оглядела в зеркале свое нагое тело. Живот был чуть мягче, чем ей хотелось, а толстыми икрами она никогда не бывала довольна, но знала, что все еще хороша. Длинные светлые волосы, позолоченная тропическим солнцем кожа, ярко-голубые глаза. В Нидерландах она ничем не выделялась, здесь же, в Майами, по-прежнему собирала восхищенные взгляды. Не то чтобы она отвечала на них: Мэтту она всегда была верна. И все же в последнее время внутри порой возникал зуд беспокойства, а его надежность вдруг начинала казаться чуточку скучной, слишком предсказуемой.

— Вижу, ты отлично продвигаешься.

Оливия вздрогнула и быстро схватила крем для лица.

— Прости, милый.

— Может, мне тогда заняться завтраком? — Мэтт и в самом деле вышел из гардеробной в рабочей форме. — Круасаны? Или гранола?

Она размазала крем по щекам.

— Ничего не хочу. Нет аппетита, я плохо спала.

— Опять? В последнее время это часто бывает. — Мэтт смочил расческу и принялся яростно умирять темные кудри; как и во все прочие утра, затея была безнадежна. — Ты ведь ни о чем не тревожишься, darling?

— Совсем нет. — Она улыбнулась ему в зеркало. — Наоборот. Я по-настоящему счастлива.

Какая же она плохая актриса, подумала Оливия. Глаза все не сияли весельем, обещанным улыбкой, а плечи были неестественно выпрямлены. Но муж словно ничего не заметил и широко ей усмехнулся.

— Вот и прекрасно. — Он распылил под мышками слишком много дезодоранта. — Значит, выдержишь без меня сорок восемь часов?

Она взяла зубную щетку.

— No worries. Думаю, справлюсь. Во сколько отплываете?

— Пока не знаю.

— До Нассау ведь почти девять часов ходу?

Мэтт сунул ноги в шлепанцы.

— Да, но я не уверен, что пойдем прямо туда. Может, придется забрать Райана в Ред-Бее. Тогда там и переночуем.

— Прекрасная мысль, милый. Вы ведь совсем не торопитесь?

— Вообще-то нет. — Он поцеловал ее в плечо. — Может, так и сделаем. А ты? Что у тебя сегодня?

— Очень интересное интервью. — Она сняла бюстгальтер

с крючка. — С Рамоном Кортесом, шеф-поваром нового ресторана «Эль Корасон». На Оушен-драйв, помнишь? Та перестроенная терраса, которую я показывала тебе на прошлой неделе. Прямо возле отеля «Соло».

— Я успел начисто об этом забыть, но звучит и правда интересно.

С громким топотом сыновья побежали вниз по лестнице. Судя по звукам, Чарли уже успел вывести младшего брата из себя. Уильям гнался за ним, выкрикивая ругательства.

— Не трогай мой аккаунт в «Майнкрафте»! — завопил младший в коридоре. — Мам! Чарли...

Мэтт открыл дверь.

— Ребята... потише. Чарли, начини-ка разгружать посудомойку.

— Почему я? — возмущенно крикнул шестнадцатилетний сын, но Мэтт не ответил. Он спокойно обернулся к Оливии.

— Так что там за ресторан? Опять модный веганский? Или сотая по счету тапасная?

— На этот раз кубинский. — Она застегнула бюстгальтер. — Остальное сам слушаешь. Я уже сегодня днем выложу подкаст. — Она легонько вытолкнула его из ванной. — Ну, ступай. Судя по голосам, мальчики умирают с голоду.

Глава 2

Она проводила семью, помахала вслед и вернулась в дом лишь после того, как машина скрылась за углом. На веранде опустилась на колени и почесала за ушами их палевого лабрадора.

— Пойдем, Эрнест, пора в дом.

Оливия уже открыла сетчатую дверь, но Эрнест упрямо лежал, положив голову на передние лапы. Приоткрыл один глаз и решил, что любимое место перед креслом-качалкой покидать не стоит.

— Ну же, старина. — Она легонько подтолкнула ногой самого ленивого члена семьи. Его чуть более грузное, чем следовало, тело всегда с трудом приходило в движение. Зато стоило открыть калитку к бассейну, как он вихрем проносился мимо и с размаху нырял в воду. — Эрнест, пойдем. Мне надо работать.

Тихонько ворча, пес поднялся, поплелся в дом и тотчас снова улегся в корзине под лестницей. Оливия быстро допила кофе и доела последний кусок круассана. Мэтт настоял, чтобы она хоть что-нибудь съела, а ей хотелось подавать сыновьям хороший пример. Никогда не выходить из дома на пустой желудок — таков был семейный девиз. На всякий случай она еще раз проверила заднюю дверь и кухонное окно, хотя прекрасно знала, что заперла все накрепко.

Это стало второй натурой после того, как в конце девяностых ее, сотрудницу портовой полиции Роттердама, направили в отдел по борьбе с наркотиками в Майами. Всегда проверяй запоры и всегда включай сигнализацию, даже если спешишь. Для преступника это лишь небольшие препятствия, но при наличии выбора он все-таки предпочтет дом, который охраняется хуже.

Она поставила перед Эрнестом полную миску воды и еще раз погладила его.

— Хорошо, что у нас есть свирепый сторожевой пес, — сказала она, беря ноутбук.

У входной двери, включая сигнализацию, крикнула через плечо:

— Смотри за домом! До вечера.

В машине Оливия увидела, что до «Эль Корасон» всего пятнадцать минут. Если быстро найдет место, прибудет минута в минуту. Не то чтобы здесь кого-то волновало опоздание на четверть часа; как раз ее голландская пунктуальность бросалась людям в глаза.

Майами был куда больше похож на небрежный латиноамериканский город, чем на современный американский мегаполис, каким казался на первый взгляд. Языком улицы служил испанский; еда горела острыми мексиканскими специями; отовсюду неслась карибская музыка. Неудивительно, что Маленькая Гавана была самым веселым кварталом.

Именно эта экзотика когда-то заставила ее согласиться

на командировку. Чтобы лучше проследить ввоз тяжелых наркотиков через Роттердамский порт, полиции требовалась сеть контактов в Майами. Ее начальник Йерун считал Оливию слишком молодой и неопытной, но все-таки дал ей шанс.

— Самое большее два года, — сказал он. — Не хватало еще, чтобы такая зеленая девчонка превратилась там в местную.

Именно это с ней и произошло, только Йерун так никогда и не узнал. Коллеги удивились, когда уже через год она вернулась в Роттердам, но охотно проглотили объяснение: будто ей невыносимо не хватало голландских друзей. До сих пор Оливия поражалась, что все сошло ей с рук.

Немного погодя после девяти она въехала на сумбурную парковку позади «Эль Корасон». Переполненные мусорные баки, штабеля коробок, похабные рисунки на полуразвалившихся стенах, повсюду провисшие электрические провода. Весь Майами заключался в этом контрасте, подумала она. Фасад — модный, ухоженный, сверкающий; задворки — вечно обшарпанные. Наркотические войны восьмидесятых оставили на городе рубцы, которые не хотели затягиваться. В подкасте она никогда о них не говорила, показывала только красивую лицевую сторону. Пока подкаст позволял ей вместе с Мэттом содержать семью, никакого раскаяния она не испытывала.

Оливия включила задний ход и собиралась припарковать-

ся возле груды автомобильных шин, когда за машиной внезапно вскочил невысокий мужчина.

— Эй, watch out! — Он бешено замахал руками. — Здесь парковаться нельзя.

Только теперь она заметила за шинами табурет, а рядом столик, заставленный пепельницами. Она едва не въехала в место для курения, устроенное для персонала.

— Простите, простите. — Она торопливо опустила окно. — Я вас не заметила.

— Значит, смотреть надо лучше. — На мужчине была белая майка, руки покрывали татуировки, с пояса брюк свисали серые кухонные полотенца. Глубокая складка между темных бровей и кулаки, упертые в бока, придавали ему куда более грозный вид, чем можно было ожидать при таком росте. — А теперь быстренько отсюда выезжайте.

— Я к шефу Кортесу.

Его лицо мгновенно распахнулось улыбкой.

— А, сеньора Оливия. Welcome!

Размашистыми жестами он показал, где можно оставить машину, и еще прежде, чем она выключила двигатель, распахнул ее дверцу.

— Для нас такая честь, что вы пришли. Конечно, мы все слушаем ваш подкаст «Голландка в Майами». We're all big fans. Но идемте, шеф приготовил вам чудесный завтрак.

Она взяла сумку и мысленно выругалась. Надо было догадаться, что ее станут угощать. Выходя из машины, она по-

думала, что тот единственный круассан еще отомстит ей.

Мужчина, успевший представиться Мануэлем, буквально втянул ее внутрь. По дороге Оливия отмечала подробности, которые позже понадобятся для подводки к подкасту. Они прошли через маленькую кухню: огромная плита, запотевшие окна, над кастрюлей на огне клубится пар. Все сияло чистотой; в стальных шкафчиках она видела собственное отражение. Три молодые женщины работали за разделочным столом, пожилой мужчина мешал что-то в большой кастрюле. Это наверняка не сам Рамон Кортес, возможно, его отец. Оливия хотела представиться, но Мануэль уже тащил ее дальше.

— Здесь никто не говорит по-английски, — пояснил он.

Она не успела сообщить, что сама свободно говорит по-испански, как оказалась посреди зала.

— Сеньора... Оливия, welcome. — Стройный молодой мужчина гордо стоял в белоснежном кительке за столом, уставленным маленькими закусками. — Я Рамон.

Быстрым взглядом она отметила обои с джунглями, большие пальмы и бамбуковые вентиляторы, неторопливо рубившие воздух, но сосредоточилась на открытом, приветливом лице собеседника. Пышные усы, короткие волосы, смешинки в глазах.

— Спасибо. — Оливия протянула руку. — Мини-тако, мигас, энчилада и даже свежие чуррос — все выглядит восхитительно. Но я ведь пришла только за интервью.

— Зачем разговаривать, когда можно вместе поесть? —
Рамон с притворным отчаянием взметнул руки. — Еда —
куда лучший язык.

Оливия села за стол и положила диктофон рядом с тарелкой.

— Рамон, вы уже меня убедили. — Она включила запись, вспыхнул красный огонек. — Расскажите, с чего мне начать?

Молодой шеф принялся подробно объяснять материнский рецепт тако на завтрак: к острым колбаскам чоризо мать добавляла еще красного перца. Оливия ела крохотными кусочками, изображая удовольствие от пиршества, а в уме составляла список ингредиентов. Помимо яиц, черной фасоли и помидоров чувствовался сладковатый сыр. Кажется, монтерей-джек.

— А когда ваша семья бежала с Кубы? — спросила она, когда Рамон рассказал, что мать готовит главным образом от тоски по родному острову.

— Я родился здесь. — Он гордо хлопнул себя по широкой груди. — Настоящий американец. Отец приехал во время Мариэльского исхода в тысяча девятьсот восьмидесятом. Позже перевез сюда маму.

— Значит, ваш отец — мариэлито?

— Да, один из ста двадцати пяти тысяч человек, которых тогда забрали из порта Мариэль кубинцы, бежавшие раньше. — Рамон вдруг смущенно отвел глаза. — Я знаю, у этой группы здесь репутация преступников и отбросов, но мои

родители — честные, трудолюбивые переселенцы. Клянусь, они всегда были благодарны за возможности, которые получили здесь.

— Охотно верю. Это ваш отец на кухне? Я видела, как он хлопочет над кастрюлями.

Лицо Рамона засветилось.

— Да, каждое утро помогает мне открываться. Его банановый суп — легенда. Вы непременно должны его попробовать. А мама уже уехала на рыбный рынок.

— Настоящее семейное предприятие.

Рамон кивнул.

— Иначе я бы и не хотел. Младшая сестра отвечает за десерты. Ее флан... никто не сравнится. — Он принялся тереть салфетку. — Но у вас тоже слышится акцент. Откуда вы родом?

— Давайте на «ты». Я из Нидерландов, из портового Роттердама. В конце девяностых год проработала здесь, а через несколько лет вернулась — из-за любви. С американским мужем я познакомилась в Амстердаме, но дети родились здесь. Как и ты.

Рамон широко улыбнулся.

— Значит, тоже импорт. Как сказал президент Рейган: our strength comes from our own immigrant heritage.

— Полностью согласна, хотя в наши дни...

Раздался громкий хлопок. И сразу второй. Пронзительный крик, ругань, визг.

Рамон вскочил.

— What the fuck?

— Под стол. Сейчас же! — Оливия отшвырнула стул. — Оставайся здесь.

Она метнулась в угол и вдоль стены поползла к кухне — точь-в-точь как в прежние времена на бесчисленных тренировках.

Еще выстрел. Сердце колотилось в горле, но она без колебаний распахнула дверь.

— Все на пол, — прошипела она. — Сейчас же!

Быстро оглядела помещение. Мануэль неподвижно лежал на полу; спина была красна от крови. Брызги покрывали шкафчики, кровь стекала даже по окнам. Три женщины, дрожа, сидели под разделочным столом. Отец Рамона застыл у плиты, сжимая половник, точно пистолет.

— Где стрелявший? — крикнула Оливия. — Он один?

Одна из женщин указала трясущейся рукой на открытую дверь.

— Там. Она побежала туда.

Оливия выбежала на парковку и увидела, как невысокая женщина садится на мотоцикл. Прежде чем та натянула шлем, Оливия успела заметить темные глаза. Где она их видела? Но вспомнить не успела: стрелявшая уже умчалась прочь.

— О боже, — услышала Оливия за спиной и бросилась обратно.

Рамон стоял на коленях возле Мануэля, прижав руки к его шее.

— Кровь бьет фонтаном.

Оливия сорвала полотенце с пояса Мануэля и с силой прижала к ране.

— В 911 уже позвонили?

Вдруг все в кухне заговорили одновременно. На лице одной женщины была кровь, другая тихонько плакала.

— В сыре пуля, — растерянно сказала она.

— Черт возьми, звоните 911! Немедленно! — крикнула Оливия и услышала тихий стон Мануэля. — Держись, please. Они уже едут.

— Скорая, полиция, — лаял Рамон в телефон. — Оушен-драйв, тысяча пятьдесят один. Скорее!

Работники кухни стали вытирать кровь со шкафчиков, но Оливия чувствовала, как под ее руками медленно слабеют мышцы Мануэля.

— Прекратите. Здесь место преступления, — крикнула она. — Оставьте все как есть. Полиция сейчас будет.

Кровь текла по ее пальцам, и Оливия знала: скорая опоздает. Судя по смертельно-белому лицу Рамона, он думал о том же. И лишь теперь словно понял, что в его кухне только что совершили убийство — вот так, среди бела дня.

Глава 3 - Мариэль

21 апреля 1980 года

Они сидели на двух картонных коробках в переулке возле порта. Было еще темно, но рассвет не мог задержаться надолго. Агнес быстро прикинула время. Ждать, вероятно, оставалось всего полчаса, и все же она не смела надеяться, что план в самом деле удастся.

— Я хочу пить. — Хуан потянул ее за рубашку. — Можно еще глоточек? Пожалуйста.

Агнес отвинтила крышку бутылки и протянула ее младшему брату. Не глядя на сестру, он сделал большой глоток. Тени под глазами стали еще темнее, ранки на голове воспалились от расчесов. Каждое утро Агнес искала у него вшей, но совладать с буйными кудрями брата было почти невозможно. А в последние дни, когда они жили в перуанском посольстве, она и вовсе все запустила.

Хуан вернул бутылку и прижался к ее плечу.

— Когда придет мама? Я ужасно голодный.

— Скоро приплывет папа. На лодке, — сказала Агнес, уклоняясь от вопроса. — Помнишь, что я рассказывала? Папа и дядя Ричард заберут нас. Они вместе с друзьями купили лодку на Ки-Уэсте. Сейчас плывут сюда.

— А долго плыть?

— Море спокойное, значит, часа четыре.

Хуан вздохнул.

— Это ведь совсем недолго?

— Конечно. Они могут быть здесь уже на рассвете. Думая, папа привезет что-нибудь вкусное.

— Энчиладу?

— Может быть. — Она погладила его по щеке. — Попробуй еще поспать. Во сне время бежит быстрее.

Дыхание Хуана постепенно замедлилось. На этот раз ей удалось его отвлечь, но когда-нибудь придется сказать, что маму они, скорее всего, больше никогда не увидят. Эта шлюха предпочла остаться в Гаване со своим новым дружкой Леоном. Она, правда, проводила их в посольство, чтобы подать заявление об убежище, и даже несколько ночей провела там, среди десяти тысяч других людей. Но в конце концов все-таки вернулась к Леону.

Разумеется, для приличия она умоляла дочь не уходить. Однако Агнес отказалась предать отца. Четыре года назад он один бежал в Майами, тяжело работал ради них и каждый месяц присылал деньги. Теперь, когда Фидель Кастро на короткое время открыл Мариэль, отец наконец мог забрать семью. Агнес непременно хотела ждать его в порту.

Она открыла кожаную сумочку, висевшую через плечо, и в четвертый раз проверила бумажку. Жалкий клочок, всего две машинописные строки: «Агнес Амалия Лопес, родилась 19 июня 1966 года, Камагуэй, Куба. Хуан Николас Ло-

пес, родился 4 февраля 1972 года, Гавана, Куба». Но важнее всего была печать внизу. Вчера в саду перуанского посольства потный чиновник официально зарегистрировал семью Лопес как просителей убежища. Он обещал: этого хватит, чтобы покинуть порт Мариэль.

Агнес аккуратно сложила бумагу вдвое и вдруг услышала шарканье. Быстро сунула документ между монетами и застегнула сумку.

— Кто там? — крикнула она.

Никто не ответил, но в переулок вошли две темные фигуры.

— Проснись, — прошипела она, толкая Хуана.

Он резко сел.

— Что? Что случилось?

Агнес не ответила, одним движением вскочила на ноги.

— Что вам надо? — крикнула она мужчинам, медленно приближавшимся к ним. Вдохнула поглубже, стараясь казаться крупнее. — Уходите!

Но те не впечатлились и неторопливо брели вперед.

— Спокойно, — сказал высокий, остановившись в нескольких шагах. — Мы ничего вам не сделаем.

— Тогда проваливайте! — завопила она и рывком подняла Хуана. — Мы просто сидим здесь!

— Не будь такой неприветливой, девочка, — сказал высокий, и лишь теперь она разглядела его лицо: темные глаза, черные полосы грязи на щеках. — У вас найдется что-

нибудь поесть?

Она яростно замотала головой.

— Нет. Ничего.

— Эй, погоди. — Низенький остановился прямо перед нею. От него смердело гнилыми зубами. — Я тебя знаю. Вы тоже спали на территории посольства. А где твоя красотка-мать?

— Сейчас придет, — сказала Агнес, пытаясь говорить уверенно, но голос дрожал. Хуан, оцепенев, держал ее за руку. — Вместе с тремя моими дядями.

Высокий замахал ладонями.

— Ой-ой, до чего же нам страшно.

— А еще они знают начальника полиции, — солгала она.

— Значит, богатые ублюдки. Тогда можете с нами поделиться. — Низенький указал на ее сумочку. — Как учил Иисус, в беде надо помогать друг другу. Давай сюда.

Агнес крепко прижала сумку к груди.

— Она нужна нам в лодке.

— Какая удача: мы тоже поплывем на этой лодке. Отпускай. — Высокий потянул за ремешок.

— Нет! — крикнула она. — Это наше.

— Сейчас же, сучка, — прошипел низенький, хватая ее за руку. — Тогда миленького братца не тронем.

Агнес приняла решение за одну секунду. Она быстрее этих мужчин; если удастся выиграть хоть несколько шагов, они с Хуаном первыми выбегут из переулка.

Она внезапно вырвалась.

— Беги! — Агнес грубо потащила Хуана за собой. — Не оглядывайся.

Словно тысяча рук толкала их в спины. Никогда еще они не бегали так быстро. Через несколько мгновений выскочили на причал, в гущу ожидавших людей. Повсюду громоздились чемоданы и корзины с едой, плакали дети. У воды стояли люди в форме — должно быть, таможенники.

— Мы в безопасности, — выдохнула она брату и только теперь оглянулась. Мужчины исчезли. — Ты отлично бежал.

Хуан тотчас опустился на колени.

— Я так устал.

— Понимаю. Но посмотри туда. — Она села рядом с ним на камни и указала на горизонт. — Видишь? Вдалеке.

Брат вгляделся в северную сторону, где из-за горизонта один за другим появлялись десятки судов — от больших паромов до прогулочных яхточек и старых моторных лодок.

— Да! Да, вижу! — Он мигом вскочил. — Папа!

Хуан подпрыгивал, как игрушка на пружинке, размахивая руками.

— Папа, мы здесь!

Глава 4

— Вы уверены?

— Совершенно.

— Миссис Даттон, пожалуйста, посмотрите еще раз.

Оливия придвинула к себе четыре фотографии, лежавшие на столе. Вгляделась в глаза, поискала узнаваемую примету — татуировку, может быть, шрам.

— Нет. Это точно не она.

— Черт. — Тайлер Джонсон, руководивший расследованием детектив в штатском, ударил ладонью по столу. — Ненавижу такие дела. Один раз получаем запись — и никакого толку.

— Она была в шлеме, это все усложняет, — сказала Оливия очевидную вещь. Ей хотелось создать впечатление, будто она помогает отделу, но ничем не помочь по-настоящему. Одно слишком умное замечание — и они могут догадаться, кто она. Тогда сразу выяснят, что прежде ее прикомандировывали к их коллегам из участка Глейдвью в нескольких километрах отсюда. Решительными действиями после смерти Мануэля она уже едва себя не выдала. — А мотоцикл? Вы его нашли?

— Разумеется, нет. — Тайлер грубо отодвинул стул и встал. Он оказался выше, чем ей представлялось, и шире в плечах. Рубашка была несвежей и мятой, но голубой цвет

ему шел, делал зеленые глаза еще ярче. — Простите, вы ведь не можете этого знать. Просто я до предела раздражен. Такие разборки внутри преступной среды всегда ускользают у нас из рук. Никто не решается стучать.

— Но, детектив Джонсон, вы уверены, что дело именно в этом?

— В чем?

— В разборке преступников.

— А, да, конечно. Наверняка последствия какой-нибудь сделки, где одни наркоторговцы кинули других. Или предупреждение за попытку отнять территорию. Впрочем, вас это больше не касается. — Тайлер протянул руку. — Спасибо, что уделили время.

Оливия тоже встала. Рукопожатие было сильным, но кожа удивительно гладкой. Очевидно, руками он никогда не работал. Почему она это заметила?

— Разумеется. Мы все должны помогать друг другу, чтобы этот прекрасный город оставался безопасным. Хотя сомневаюсь, что мои показания принесут пользу.

— Никогда не повредят. — Тайлер испытующе посмотрел на нее, слегка сжал ее руку и лишь тогда отпустил. — Я слушаю ваш подкаст...

— Можно на «ты».

— Хорошо. — Он кивнул и едва заметно улыбнулся. — Оливия, значит. Я часто слушаю твой подкаст. Ты разговариваешь со множеством людей, поэтому, если когда-нибудь

что-нибудь услышишь...

Этот пронзительный взгляд. Оливия разгладила платье. Утром длинный пляжный сарафан казался удачным выбором, теперь она жалела о нем. Розовый цвет был слишком легкомысленным для безликого кабинета: серые стены, ни одного окна, пожелтевший плакат с призывом записаться на курсы первой помощи. Вот и вся обстановка.

— К счастью, по работе я редко встречаю преступников. Показываю главным образом светлую сторону Майами.

— Преступники бывают всех видов и мастей. — Тайлер улыбнулся шире, на щеке появилась ямочка. — Самые неприметные — самые опасные.

— Мне трудно судить, — солгала она. — До сегодняшнего утра я ни разу не видела перестрелку вблизи. Просто оказалась не в том месте и не в то время.

— Как, очевидно, и Мануэль. — Тайлер пожал плечами. — Whatever. Будем упрямо продолжать. Сдаваться нельзя, верно?

— Полагаю, что так.

Тайлер придержал ей дверь.

— Еще раз спасибо. И возьми на стойке брошюру Управления помощи жертвам преступлений. Иногда страшная картина вдруг возвращается перед глазами.

— Думаю, со мной этого не случится, но все равно спасибо. Удачи вам. Надеюсь, виновную скоро найдут.

Оливия перекинула сумку через плечо. Уходя, чувствуя-

ла, как взгляд Тайлера жжет ей спину. Хорошо, что кондиционер был включен на ледяной холод, иначе она наверняка сидела бы перед ним в испарине. Не только от страха разоблачения, но и потому, что узнала этот взгляд: внимательный и вместе с тем насмешливый. По словам Мэтта, именно так смотрела она сама, когда гость подкаста пытался продать ей воздух в красивой упаковке.

У стойки она схватила первую попавшуюся брошюру и, едва выйдя через вращающуюся дверь, дрожащими руками закурила. Остановилась в тени огромной лиловой бугенвиллеи, медленно выпустила дым. Прошло больше двадцати пяти лет, а ей все еще приходится быть настороже. Тяжесть вины не уменьшалась, как она надеялась. Наоборот, становилась все больше. Последствия необдуманного поступка, совершенного ею в молодости, оказались куда серьезнее, чем она могла вообразить.

Вдруг чья-то рука легла ей на плечо. Оливия резко обернулась.

— Не пугайся. — Перед нею стоял Тайлер с широкой улыбкой. — Вот моя карточка, я забыл ее дать. Сможешь позвонить, если еще что-нибудь вспомнишь. Или действительно что-то услышишь.

Оливия затушила сигарету и с улыбкой взяла визитку. Надо отвлечь его, мелькнуло у нее. Не дать заметить, какую роль она играет.

— Обязательно позвоню. Может быть, просто ради удо-

вольствия. — Она быстро улыбнулась. — Или приглашу тебя в подкаст.

Надела солнечные очки и медленно пошла прочь, не сомневаясь, что Тайлер опять провожает ее взглядом. Но теперь, хотелось надеяться, не только из-за недоверия к показаниям.

Оливия открыла входную дверь.

— Мальчики, я вернулась.

Ответа, конечно, не последовало. Сыновья давно перестали интересоваться ее появлением. В лучшие дни ее терпели; обычно же она служила мусорной корзиной, куда бездумно бросали нытье, глупые вопросы, грязную одежду и ссоры. Говорят, только собака по-настоящему радуется, когдаходишь в дом, населенный подростками, — Оливия охотно это подтверждала. Но сегодня даже этот лентяй не сдвинулся с места.

— Эрнест! — позвала она, направляясь в кухню. — Хочешь чего-нибудь вкусного, хороший пес?

Нигде не слышалось медленное шарканье лабрадора. Корзина была пуста, но дверь в сад закрыта, а наверху он быть не мог: уже давно не поднимался по лестнице.

— Эрнест? — позвала она громче и заметила, что миска с водой все еще полна. — Ты где, глупое животное?

Оливия проверила гостиную, кладовую и наконец рывком открыла дверь в семейную комнату. В коридор выплыл густой запах потных подростковых тел. Трое мальчишек сиде-

ли на подушках и молча смотрели на большой экран.

— Guys, please, откройте окно! — прокричала она сквозь тяжелый пулеметный огонь.

По затемненной комнате метались кадры «Call of Duty». Без предупреждения она включила свет.

— И сделайте эту проклятую игру потише.

— Ма-ам! Ну не надо. — Чарли раздраженно обернулся. — Теперь ничего не видно.

— Именно этого я и добивалась. — Она осталась в дверях. — Привет, Фил. Твои родители знают, что ты здесь?

Долговязый мальчик, сидевший между ее сыновьями, застенчиво кивнул.

— Да, мэм.

— Хочешь остаться на ужин? — спросила Оливия, оглядывая комнату в поисках собаки.

— Да, пожалуйста, мэм.

— Эрнеста не видели?

Теперь обернулся и Уильям.

— Когда мы пришли, он лежал в корзине. Мы налили ему свежей воды.

— Странно, сейчас его нигде нет. Долго вы сидите в этой вонючей норе?

Уильям пожал плечами.

— Час?

— Значит, уже два. — Она снова выключила свет. — Еще максимум пятнадцать минут, иначе вынесу эту дрянь на по-

мойку.

— Ха-ха, очень смешно, мам, — успел сказать младший, прежде чем она закрыла дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.